

Дом возвышался точно крепость.

Хотя в нём было всего-то пять этажей, на фоне остальных приземистых, квадратных, выросших окнами в тротуар, он казался высотой. Или нет, всё-таки крепостью – величественной, мощной, даже грозной.

...Центр небольшого южного города был пыльным, зелёным и старинным. Его запрещали застраивать новыми домами, разве что выдержанными в том же стиле, высотой не больше трёх этажей. Я потихоньку оторвалась от нашей шумной энергичной компании, свернула за угол – и растворилась в тихих малолюдных улицах. Греческая, Итальянская, Немецкая... Улица Контрабандистов – рассказывают, здесь до сих пор сохранились тайные ходы-выходы к морю, а в вечерней темноте на ней можно запросто заблудиться. Каждый кованый козырёк, дверь, ворота, даже решётки на узких окнах домов были причудливы и неповторимы. А ещё повсюду лежали, сидели и стояли кошки, либо настоящие, разморенные жарой, либо настороженно и изъясно застывшие – в глине или в металле.

Я заглядывала в приоткрытые ворота. Дворы оказались куда больше фасадов домов, тянулись чуть ли не на полквартала: многочисленные деревянные пристройки, лестницы, веранды. Бельё на веревках. Клумбочки и клумбы с крупными южными цветами, названий которых я даже не знаю. Вьюны оплетали столбы и решёт-

ки веранд густой яркой массой, почти не колыхающейся на сильном ветру... Я смущённо и рассеянно улыбалась хозяевам, посидивающим на скамейках и вынесенных из дома стульях, и возвращалась из дворовой тени на оглушающее солнце улиц.

Высоко в ясном – ни облачка! – небе созрел готовый к полёту тополиный пух; не коробочки-клубки, как у нас на севере, а настоящие абажуры. Я представила, как один из них раскрывается над головой и накрывает пушисто-белым одеянием меня – снегурочку, заблудившуюся в лете... Одурающе пахло акацией, просто физически ощущались сладкие жёлтые волны, испускаемые непривычно высокими деревьями.

Я шла, шла и шла. Заблудиться не боялась – по привычным масштабам город мал и несложен, тут ходит-то всего пара-тройка автобусов и трамваев. Выбрела к лестнице, зигзагом идущей с холмов вниз, к деловитому шумному порту. Прошла мимо купающейся в желтовато-зелёном море набережной, с пёстрыми зонтами столиков и загорелыми уже (всего-то месяц май!) лицами и телами.

Разглядывала плитки у себя под ногами – кое-где ими, разноцветными, фигурными, были выложены причудливые медальоны со львами, гербами и каменными розами, посматривала по сторонам, наслаждаясь яркими красками фасадов и зелени.

И потому дом – серый, массивный, охвативший полукольцом, пожалуй, весь квартал – возник передо мной неожиданно.

Дом возвышался крепостью. Дом внушал робость. Дом... выглядел домом, надёжно скрывающим в своей каменной глубине, тайной сердцевине, нечто нежное и бесценное. Даже яркие пятна белья на балконах и выдуваемых сквозняком занавесок впечатления не смягчали – дом просто маскировался. Я заглянула в тёмный прохладный провал арки: глубокой, сыроватой, контуры серых плит кое-где подчёркивал тёмно-зелёный бархат мха. Казалось, порви шагом прозрачную ткань тени – и пересечёшь некую тайную границу. Я невольно задержала дыхание...

Свет, цвет и звук обрушились на меня, как будто я шагнула на ярко освещённую сцену театра. Двор оказался просто огромным, окольцованный домом, точно природным утёсом. Здесь, под его укрытием, цвели самые яркие цветы и росли самые зелёные в мире деревья – так показалось мне, ступившей из тени в ослепительное пространство двора. Народу было немного, всё-таки рабочий день в разгаре – дети, бабушки, молодые мамы с колясками. И опять же кошки. Спящие, играющие, нехотя уступающие дорогу медленно едущим машинам.

Кодовые замки и домофоны на дверях подъездов отсутствовали. Да и сама дверь – лёгкая, фанерно-деревянная – просто привет из советского детства. Внутри было так же темно и прохладно, как перед этим в арке. Скользя ладонью по гладким деревянным закруглённым перилам, я поднялась по выщербленным ступеням на пару пролётов. Посмотрела вверх – даже голова закружилась, словно я заглянула в глубокий колодец. Крепость-дом, что же ты прячешь?

Было очень тихо. Так тихо, что я даже вздрогнула, когда вдоль стены бесшумно скользнула ещё одна обитательница дома. Кошка.

Казалось, кошка меня ожидает. Во всяком случае, она стояла на крыльце, подрагивая задранном хвостом. Коротко мурлыкнула и, неспешно сбегав со ступеней, направилась к двухэтажному дому посредине двора. Самый обычный дом самой же обычной архитектуры – куб с плоской крышей. Кажется, даже не жилой, окна на втором этаже забиты досками. Возле распахнутой входной двери – несколько вывесок разного формата и цвета. Я шла следом, разглядывая чёткий черепаховый узор кошачьей шкурки –

за таких кошек отдают большие деньги, а тут они просто дворовые...

Вывески на стене промелькнули мимо невнимательного взгляда. Магазин номер... МУ... городской клуб развития чего-то там... Я сделала круг по небольшому тёмному холлу: все двери закрыты, а ведущая на второй этаж ещё и заколочена двумя досками крест-накрест (но как-то неубедительно, точь-в-точь замок на двери в деревне, который бабушка навешивала перед тем, как пойти в магазин). Я даже подёргала доски на пробу. Те поддавались. Будь я ребёнком, непременно бы проскользнула наверх, запретный плод сладок...

– Ох!

Мужчина, распахнувший створки двери небольшого магазинчика, оглянулся на мой испуганный возглас.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Да вот... зашла...

Свет притягивал меня, словно ночного мотылька. Низкий порог, полукруглый прилавок, занимающий чуть ли не весь магазин. Окна без занавесок. Белый и жёлтый цвет стен, тёмно-коричневый – прилавка и полка. Продавец (хозяйин?) – лет тридцати, зелёные глаза, тёмные волосы, резкий профиль – не обращая на меня внимания, разбирал что-то на полке. И слава богу, а то как уставятся на единственного покупателя...

Я прилипла к прилавку. Карты, ракушки, тусклые монеты, деревянные резные фигурки, кушочки то ли разноцветных стёкол, то ли камней, веточки окрашенных кораллов... На стенах на специальных штырях висели металлические колокольчики всех размеров – вплоть, кажется, до корабельной рынды. Якоря тоже наличествовали, но, слава богу, сувенирных размеров.

А ещё тут были альбомы с марками. Я листала их; пахло пылью, кожей и старой бумагой; наслаждалась названиями стран, которые в детстве звучали как сказка. Бурунди, Шри-Ланка... Кажется, вот эти даже были у меня в альбоме!

– Нравятся? – мужчина, поглядывая на меня, стирал пыль с гигантской раковины, лежавшей на подоконнике.

Я с лёгкой ностальгией закрыла альбом.

– Жаль, я уже не собираю марок.

Мужчина кивнул.

– Но может, вы собираете что-нибудь другое?

Я окинула взглядом прилавок. С удовольствием бы здесь ещё задержалась, но, похоже, пора и честь знать...

108

– Нет, ничего не собираю. До свидания.
– Каждый из нас что-нибудь да собирает, – сказал мужчина, листая тяжёлый иллюстрированный альбом. – Кто-то коллекционирует свои беды, кто-то разбитые сердца, кто-то минуты радости...

Я задержалась на пороге. Кажется, меня все не вынуждают сделать покупку – ему просто захотелось поговорить. Надо же, философ!

– А что собираете вы?
– Редких посетителей.

Да уж, народу тут явно не густо!

– Жаль, что ваш магазинчик расположен в таком неудобном месте. Знаете, я ведь на вас наткнулась совершенно случайно. Просто зашла за кошкой...

Хозяин блеснул на меня взглядом.

– Вас привела кошка? Хорошая примета.

У него оказалась такая яркая и располагающая улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Да у вас не город, а просто какой-то кошачий рай! Куда ни пойдёшь, везде на них наткнёшься...

– Не спешите, можете разглядывать витрину сколько угодно. Я же не говорил, что коллекционирую *покупателей*... А хотите чаю? Понравился наш город? – Он как-то вдруг оживился и заторопился.

– Да. Очень. В смысле хочу чай, и город – да, понравился.

Слово за слово – и мы с Димой неожиданно разговорились.

Я люблю старые городские дома. Не усадьбы или дворцы, просто построенные в позапрошлом и прошлом веке, одно- или многоэтажные – значения не имеет. В любом городе я нахожу такие улицы и брожу, широко раскрыв глаза, чтоб, не дай бог не упустить чего. Наверное, надо было стать архитектором, изучать все эти пилястры-карнизы-фонари, архитектурные стили, с первого взгляда угадывать десятилетие, в котором построен каждый конкретный дом. Но смогла бы я тогда просто *смотреть* с замиранием сердца и наслаждением? Да ещё и наверняка проектировала бы здания типовой застройки – людям нужно дешёвое и быстро строящееся жильё...

– Сейчас модно поворачиваться лицом к природе, стремиться вырваться из города... А я вот до мозга костей горожанка. Знаете, я даже разговариваю с домами!

– Значит, вы коллекционируете дома? – уточнил Дима.

Я засмеялась.

– Да, в некотором роде! Кое-какие даже фотографирую.

– Тогда вам будет интересно это.

Он двинул по прилавку альбом. Я пролистнула тяжёлые глянцевые страницы. Великолепные виды Парижа, Питера, Рима...

– А вы на мелочи не размениваетесь, коллекционируете целые города?

– В некотором роде, – повторил он мои слова. – Хотите, покажу вам город?

Дима смотрел на меня так внимательно, что казался напряжённым.

– Я, в общем-то, уже многое видела.

– Да, кое-что вы видели, – согласился Дима. – Но я покажу вам *свой* город. Свои любимые места.

Ну, будем надеяться, что он не работает с преступной группой, заманивая и грабя беззащитных туристов. Чего у меня брать? Сотню в сумочке?

– Я... – Я нерешительно качнула этой самой сумочкой. – Я не знаю...

– Решайте. – Он выглянул в окошко. – Темнеет уже. Если не согласны, просто провожу вас до дома.

109

И правда, вечер уверенно наступал на разморённый солнцем город, обещая прохладу и ровный ветер с моря. Да ещё крупные яркие звёзды и круглую, яркую, как прожектор, луну.

Я согласилась.

За исключением любви к старым домам человек я благоразумный и потому тут же отзвонилась друзьям, у которых остановилась. Мой добровольный проводник запирал свой магазинчик и посмеивался, слушая отчёт с подробностями.

– Надо было вам ещё мой паспорт дать, чтобы вы зачитали им паспортные данные!

– Надо было, – согласилась я. – Куда идём?

– Выбирайте.

– Что выбирать? Сторону света?

– Дверь.

– Что?

Дима махнул рукой на освещённые тусклой лампочкой покрашенные синей краской двери.

– Это что, какой-то ритуал? – спросила я подозрительно.

А если он всё-таки какая-нибудь... Синяя Борода и держит за этими дверями наивных, размякших на южном солнце туристов? Ведь, кроме нас, в доме никого... Хотя вон же, за распахнутой дверью, смеются люди, кричат дети...

– Можно сказать и так, – согласился Дима. – Показываю я, а выбираете вы. Ну не робейте, Настя!

Я совершила ещё один круг почёта по небольшому холлу, честно приглядываясь к дверям. Различались они только степенью откопанности краски. Господи, ну что ещё за игры!

– Вот эта, – ткнула в третью по счёту. Надеюсь, не туалетную.

– Эта, – повторил Дима.

Я посторонилась, с подозрением наблюдая, как он подходит и берётся за расшатанную ручку-скобу. Когда я пришла сюда, все двери были заперты, я подёрнула каждую. Дима сосредоточенно смотрел перед собой, словно прислушивался. Лицо его стало напряжённым, почти осунувшимся от непонятого усилия. Что-то еле щёлкнуло – с той стороны.

Опять эта его яркая улыбка – точно вспышка в тусклом свете холла.

– Отличный выбор, мадам!

Дима распахнул дверь, и мои волосы шевельнуло влажным порывом ветра. Я сделала шаг, ещё шаг, переступила порог...

Пересекла границу.

Под ногами – плиты набережной. Море, звёзды, далёкие огни фонарей... Смех внизу, на пляже.

Я оглянулась. Дима стоял рядом, дверь за его спиной – металлическая, еле различимая в темноте в крутом склоне холма. Но ведь море же... море же осталось далеко, совсем в другой стороне... и где... где дом?

Дима смотрел на меня, слегка склонив голову, точно выслушивая все мои незаданные вопросы и предположения.

Повторил негромко:

– Хороший выбор. Твой выбор, Настя. Пройдёмся?

Мы шли по длинной и тёплой набережной... Плиты под ногами реальны... Смотрели, как внизу, на песке танцует пёстрая весёлая толпа... Рука, поддерживающая мой локоть, реальна... Свернули на идущую вверх мощённую булыжниками улочку с коваными старинными фонарями, побрели по тихому сонному городу, заглядывая в тепло светящиеся окна... Реально, реально, всё реально.

Дима проводил меня до дому.

– Придешь завтра?

– Приду.

Быстрое прикосновение к руке, улыбка, эхо удаляющихся шагов. Под фонарём уверенно кружилась мошкара. Всё, всё реально.

«Сон», – поняла я, проснувшись.

«Сон», – отмахивалась во время трудового дня от наплывающих воспоминаний.

«Сон», – твердила упрямо, подходя к «крепости».

И только увидев улыбку Димы, поняла, что сном было не всё. И он при виде меня, кажется, вздохнул с облегчением – неужели тоже думал, что я ему приморочилась?

Заказчики были деловиты, но снисходительны. «На сегодня хватит, мы всё понимаем, море, солнце, бегите, развлекайтесь, отдыхайте... Крутите романы», – добавляли они про себя.

Роман закрутился. Правда, даже не знаю, с кем – с Димой? С городом?

Я открывала – выбирала – каждый день новую дверь.

Часы на высокой башне. Старая ратуша. Солнце бросает разноцветные брызги в стёкла витражей.

– Дим, этот город... он вообще существует?

– Конечно существует.

– На самом деле?

Плывущие по реке гондолы – по реке или всё-таки по небу? Звёзды вверху и внизу одинаково яркие и золотисты... Одинаково влажно мерцают.

– На самом деле. Наши воспоминания...

Лабиринт узких мощённых булыжником улиц. Эхо наших шагов. Крепостной зубец над густосиним морем.

– Сны...

Фонтаны. Целая улица фонтанов. Недействующие: с накиданными на дно монетками на счастье. Работающие: перья воды; прозрачные потоки, текущие по разноцветным плитам; сплетающиеся струи, танцующие, играющие с высотой, цветом. И с нами.

– Наши мечты...

Когда я выбрала заколоченную дверь на второй этаж, Дима впервые меня поцеловал.

Не там, конечно.

Мы шагнули из двери на террасу: город раскинулся перед нами в бархатной шкатулке ночи, точно сверкающий драгоценный камень; было непонятно, где он переходит в море, где море прорастает в небо.

– Как красиво!

Дима казался таким же заворожённым, как и я. Долго смотрел, стоя со мной рука об руку. А потом повернулся ко мне и сказал серьёзно:

– Спасибо.

– За что? Это же твой город!

– Без тебя я здесь никогда не был. Ты мне это показала. Так что теперь это и твой город.

И поцеловал меня.

Он же первый напомнил мне об отъезде:

– Не уезжай.

Был пятый день в городе. Мы лежали у моря – плиты, накопившие солнечное тепло, щедро делились им на закате.

– Не уеду пока, – лениво отозвалась я, – ещё целых три дня.

Дима молчал долго. А на прощание повторил:

– Не уезжай.

Ехать, действительно, особой необходимости не было, можно было созвониться, выпросить отпуск...

Но я неожиданно очнулась. Откуда-то появилось странное ощущение, что каждый раз, когда я выбираю дверь, я оставляю за ней кусочек себя. Сияющий драгоценный кусочек – то ли души, то ли чувств, то ли старого увлекательного сна. Дима делился со мной, но ведь и я делилась с ним: может, мечтами, может, собой? А вдруг однажды окажется, что я осталась здесь вся, без остатка, что я никогда уже не стану целой и не смогу жить... без Города? Без Димы?

Слишком быстро, слишком много. Слишком серьёзно.

Я запаниковала.

Надо уехать – хотя бы на время.

Понять, разобраться.

А он открывал и открывал передо мной новые двери. И уже не просил – просто смотрел на меня, как будто запоминал. Как будто прощался.

Словно я умирала – день за днём.

Это очень раздражало: ведь между нами же всего сутки на поезде, я буду приезжать...

Он качнул головой.

– Ты не приедешь.

– Не приеду, если ты так хочешь! – взвилась я.

В последний вечер он сидел на ступенях магазинчика. Ждал меня.

– Ну что? – неловко сказала я под его молчаливым взглядом. – Прогуляемся напоследок?

Дима опустил глаза и поднялся. Сказал негромко – привычное:

– Выбирай.

– Вот эта.

Дима наклонил голову, словно прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. Мне казалось – или он открывал двери всё с большим и большим трудом?

Оглянулся через плечо.

– Твой выбор, Настя.

И дёрнул ручку. Я вышла на свет и ошеломлённо застыла. Свет был серый. Серый, тусклый. Огромный пустой двор. Не пустой – заваленный мусором, битыми кирпичами, обвалившимися плитами. Дом всё ещё стоял, но крепость уже пала: тёмные провалы окон, серые плиты сорваны, под ними – бесстыдно обнажённые чёрные кирпичи – как уродливый шрам на лице от ожога. Дом сдался, потеряв свою сердцевину.

Я резко обернулась

– Что это?! Что случилось?

Дима неподвижно стоял в дверях единственной уцелевшей стены; с неба падал то ли серый снег, то ли пепел, припорошивал волосы седой. Глаза его тоже казались серыми. Как будто вылиняли.

– Ты выбрала дверь, – сказал он негромко.

– Я ошиблась!

Я вбежала обратно, потянула за собой Диму: тот нехотя, тяжело поддался, точно не хотел уходить из разрушенного двора.

– Открой вот эту!

Тусклое низкое небо, море бьёт, подмывает набережную – бетон под ногами сотрясается и дрожит от мощных гневных ударов. Проржавевшие перила прогнуты и висят, поваленный фонарь макушкой-плафоном зарылся в песок пляжа. Впрочем, и пляжа-то считай нет – его проглотило море...

– Я ошиблась! – прокричала я сквозь рокот.

Дима молча кивнул и первым шагнул за порог ржавой, повисшей на одной петле двери.

Я была беспощадна. Я заставляла открывать его всё новые и новые двери – и те, где мы с ним были вместе, и те, за которыми я побывать не успела.

Везде было одно и то же. Серость. Разрушение. Глухие промышленные стены без окон. Старые бараки. Заросшие крапивой остовы домов.

Наш город умирал.

Я не замечала, каких усилий всё это стоило Диме – пока не потребовала открыть двери, ведущие на второй этаж.

Дима прислонился к стене и качнул головой.

– Нет. Всё. Я больше не могу...

– А я – могу! – крикнула я в его серое при тусклом свете лицо, рванула на себя переkreщенные доски, створки дверей распахнулись вместе с ними. Я взлетела на второй этаж.

Под ногами скрипели осколки стекла, ныли старые, облезшие доски пола. Полуобрушившийся балкон. Затхлость. Пыль. Здесь никто не бывал уже очень давно.

Дима сидел на ступенях крыльца. Я спустилась к нему.

– И что, это – всё?

– Да. Всё. – Дима не повернул головы. – Магазин закрывается.

Он даже не обнял меня на прощание. Просто встал и ушёл, растворился в сладко пахнущей южной ночи. Он не пришёл провожать меня на вокзал, хотя знал, во сколько уходит мой поезд. А мы ехали на север, и, вопреки всем законам природы, нас встречала осень. Серая. Холодная. Промозглая.

Через пару недель я позвонила знакомым, ¹¹² попросила найти тот дом и магазинчик, передать хозяину мой телефон и адрес электронки. Дом они нашли, но дверь оказалась приколочена к косякам, наглухо.

А магазин, по словам жильцов, не работает уже давным-давно...

Никто из старожиллов не помнил такого холодного лета.

В июне желтели и падали листья.

В июле пошёл снег.

Я люблю старые городские дома. Я всё ещё разговариваю с ними. Но часто щекочет сердце и память воспоминание – о том, что я видела когда-то. Где-то. Скорее всего, во сне.

Дежавю называется...

А ещё я сегодня увидела идущую по коридору офиса кошку. Кошка была обычной, городской, обычного же пятнистого окраса. Независимо подняв хвост, она прошествовала вдоль стены и исчезла за неприметной дверью. Я ошарашила своего важного собеседника тем, что повернулась к нему спиной и устремилась вслед за кошкой.

Шаг. Ещё шаг. Коснуться ручки, медленно повернуть...

Швабры.

Тряпки.

Вёдра.

Кошка, недовольная тем, что обнаружили её маленькое убежище, вопросительно мяукнула. Я прикрыла дверь и повернулась к прерванному на полуслове собеседнику, изобразив на лице улыбку. Надеюсь, ослепительную.

– Извините, так на чем мы остановились?

Но знаете что?

Я теперь всегда буду открывать двери. Может быть, однажды я выберу, найду *ту* и увижу часы на тающей в ясном небе высокой башне и зубец дома-крепости. Услышу шум моря.

И темноволосый мужчина вскинет голову и блеснёт мне навстречу яркой улыбкой.

Надо только выбрать.